

Теория и история культуры
Theory and history of culture

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-8-20>

УДК 008

ББК 71.0+85.11

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. Т. В. Чапля
г. Новосибирск, Россия

АРХИТЕКТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: Целью статьи является анализ взаимодействия и взаимосвязи культурного пространства и архитектуры в истории, а также выявление форм и способов такой связи от зарождения до современности. Дан анализ культурного пространства в современной культурологии, установлены основные структурные компоненты культурного пространства: представления, смыслы и ценности, выраженные в семиотических моделях и в картине мира; социальные отношения и коммуникации, воплощенные в системе социальных ролей и установках поведения; и деятельность, которая пронизывает все выше названные элементы, связывая их в одно целое. Архитектура понимается как один из способов бытования культурного пространства, который включает в себе не только модель мира, вертикальную и горизонтальную ориентацию в пространстве, а также способ выражения ценностных установок через закрепление за определенными частями здания или пространствами ценностных доминант. Показано, что архитектура выступает в качестве способа самоидентификации культуры, общества, социальных групп, отдельного субъекта путем определения своего места в географическом пространстве, существования внешнего и внутреннего пространств как семиотического выражения «своего» и «чужого». Проанализирована роль разных видов архитектурных сооружений, позволяющих фиксировать социальную иерархию и политическую власть в культурном пространстве разных эпох. В итоге установлено, что архитектурное пространство включено в культурное пространство, и может рассматриваться, в качестве одной из форм бытования культуры и общества.

Ключевые слова: культура, культурное пространство, архитектура, пространство, картина мира.

Информация об авторе: Татьяна Витальевна Чапля — доктор культурологии, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, ул. Вилюйская, д. 28, 630126 г. Новосибирск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>. E-mail: Chap_70@mail.ru

Дата поступления статьи: 23.10.2019

Дата публикации: 28.12.2020

Для цитирования: Чапля Т. В. Архитектура сквозь призму культурного пространства // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 8–20. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-8-20>

Изучение культурного пространства и форм его выражения в обществе традиционно является предметом исследований не только культурологии и социологии, но и семиотики, социальной географии, лингвокультурологии, теории и социологии архитектуры. Актуальность изучения взаимосвязи культурного и архитектурного пространств связана не только с их взаимопроникновением друг в друга, но и ролью в развитии культуры и общества. Анализ структуры культурного пространства, его взаимодействия с другими пространствами — социальным и архитектурным — способствует пониманию условий и особенностей развития как отдельно взятой культуры, так и мировой культуры; форм и способов включения отдельных субъектов и их групп в социум и культуру путем социализации, самоидентификации и самоопределения.

Целью статьи является анализ взаимодействия и взаимосвязи культурного пространства и архитектуры в истории, а также выявление форм и способов такой связи от зарождения до современности.

История исследований культурного пространства берет свое начало в конце XIX – начале XX вв. Одним направлений можно назвать диффузионизм, который в лице Л. Фробениуса, Ф. Ратцеля, Ф. Гребнера, В. Шмидта исследовал культурное пространство как пространство зон и кругов, обозначавших рождение культур и их феноменов с последующим распространением на другие культуры и пространства. «Растекание культурных феноменов» стало основой для изучения контактов между разными культурами.

Изучением влияния природных факторов, в частности ландшафта, на культурное пространство занимался Л. Н. Гумилев, проследивший зависимость между параметрами пространства и ментальными установками народов. Исследование культурного пространства как некоего места или определенной территории распространения культуры было продолжено евразийцами, поставившими проблему связи между средой и территорией.

Представление о культуре как тексте направило вектор исследований культурного пространства в теорию интерпретаций пространства культуры в терминах текстовой деятельности и текстов в пространственных категориях. Культуру как систему постоянной интерпретации рассматривал К. Гирц. В этом же ключе сторонники символично-семиотического подхода в лице М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, С. Т. Махлиной и др. понимали под культурой знаково-символическую систему, которая организует культурное пространство.

Изучение культурного пространства как многоярусной структуры можно найти в исследованиях М. Фуко, Р. Клера и др., в работах которых была отмечена связь между временем и пространством. Они считали, что «время заложено в пространстве: настоящее вложено в культурное прошлое, а будущее заложено в культурном настоящем» [10, с. 26].

В XX в. отечественная культурология понимает культурное пространство как сферу бытования и реализации культуры посредством создания личного пространства. Так как основным субъектом культуры является человек, то он, будучи погружен в культурное пространство, создает вокруг себя организованную среду или картину мира, отражающую все значимые для него элементы. Такого рода пространство служит

средством не только отражения, но и связи между разными мирами, как реальными, земными, так и виртуальными, мыслимыми. Разные картины мира и являются наглядным воплощением этих взаимосвязей, примерами являются миф, религия, наука, искусство, повседневная или обыденная картина мира.

Синтезируя представления о пространстве на переломе веков, П. Флоренский говорит о культуре как о «деятельности по организации пространства. В одном случае это — пространство наших жизненных отношений, и тогда, соответственно, деятельность называется техникой. В других случаях это пространство есть пространство мыслимое, мысленная модель действительности, а действительность его организации называется наукой и философией. Наконец, третий разряд случаев лежит между первыми двумя. Пространство или пространства его наглядны, как пространства техники, и не допускают жизненного вмешательства — как пространства науки и философии. Организация таких пространств называется искусством» [17, с. 112].

В итоге можно выявить тернарную структуру культурного пространства в концепции русского философа: социальный слой, концептуальный и виртуальный, воплощающие все сферы жизни человека в культурном пространстве. Продолжая эту триаду, вслед за А. Н. Лукиным, можно увидеть определенную иерархичность в структуре культурного пространства: это иерархия трех слоев норм, смыслов и ценностей. А. Я. Гуревич, сформулировавший основные категории культуры и цивилизации, установил зависимость между ними, что сформировало в конечном итоге основные бинарные оппозиции, присущие любой культуре, любому культурному пространству: верх – низ, добро – зло, правое – левое, святость – грех и т. п. Бинарные оппозиции можно считать основными координатами культурного пространства, которые задают его иерархически выстроенные смыслы [14, с. 53].

С точки зрения А. Н. Лукина, культурное пространство и время рассматриваются в качестве способов формирования социума посредством воздействия на личность, причем такое воздействие может иметь различную интенсивность — активное, пассивное или парализующее, препятствующее каким-либо действиям. Подобного рода воздействия становятся основой для программирования поведения не только отдельных субъектов, но и общества в целом.

К числу механизмов воздействия на личность относятся программы инкультурации, существующие в любом культурном пространстве, проводимые через институты образования и воспитания. Но есть и вторая сторона у этого процесса, связанная с творческой деятельностью человека. В процессе своей деятельности, как материальной, так и духовной, человек постоянно меняет среду и ее параметры, в силу этого «пространство культуры многомерно <...>. Человек способен переходить из одной культурной подсистемы в другую, где своя иерархия ценностей» [9, с. 42].

А. Я. Флиер рассматривает культуру сквозь призму коллективной жизни, социальных отношений, благодаря которым и результатом которых она и становится: «культура <...> является не самостоятельной субстанцией, а результатом социальных взаимодействий и коммуникаций людей <...>, культура в определенном смысле — это пространство и время социального мира (социальной Вселенной), формируемое взаимодействием его субъектов — людей» [16].

Автор представляет культурное пространство как определенную территорию с четко очерченной границей. Такая территория характеризуется нормативно-поведенческими установками, сформировавшимися в результате стихийно возникающих норм, которые в ходе истории стали общепризнанными и стали играть роль регуляторов. Та-

кие нормы поведения вкупе с языковыми привычками, присущими только одному коллективу на ограниченной территории, Флиер предлагает называть локальными культурами.

Слово «пространство» применительно к культуре Флиер использует в двух смыслах: «...пространство как измеряемая территория распространения какой-то культуры и пространство как неизмеряемая, но описываемая сфера, образуемая сложным сочетанием регулятивных норм социального взаимодействия...» [16]. Таким образом, на отдельной территории, где сформировались определенные языковые привычки и стереотипы поведения, возникает локальное культурное пространство определенного народа. Еще одним фактором, влияющим на формирование культурного пространства, является процесс разделения труда и профессиональная специализация, что порождает разделение общества на отдельные социальные страты, находящие свое выражение в метках культурного пространства и выделении в нем иерархических зон.

Основным механизмом и условием возникновения культурного пространства автор называет коммуникацию и возможность свободного обмена информацией, которые становятся основой интеграции во всех сферах жизнедеятельности общества. Разделение общества на страты связано с рождением политических пространств, которые определяются не только положением культурного пространства на определенной территории относительно своих соседей, но и выстраивания отношений между различными слоями общества. В итоге возникает комплекс элементов общественного сознания, позволяющий говорить о культурном пространстве как социальном феномене. Общественное сознание выступает как переплетение разных компонентов: «национально-этического, государственно-политического, социально-сословного, материально-экономического, интеллектуально-мировоззренческого, профессионального, историко-мемориального, религиозного, художественного и др. <...> Итак, культурное пространство — это территория определенных нормативных технологий взаимодействия и коммуницирования людей...» [16].

М. Г. Трипузов, описывая культурное пространство, подчеркивает его внефизическую природу. Его сущность выражается и заключается в метафорах, и оно существует на границах соприкосновения разных параметров бытия человека. «Культурное пространство — это условие жизнедеятельности и, как таковое, оно, во-первых, активно по отношению к находящемуся в них человеку. Кроме людей, культурное пространство содержит вещи, предметы, то есть артефакты культуры и не относящиеся к культуре природные условия территории. Включенный в культурное пространство человек получает из него средства к существованию и информацию. Во-вторых, эти элементы, используемые в практической жизни, делают пространство способом деятельности субъекта. В-третьих, субъект постоянно сам воздействует на культурное пространство» [15, с. 66]. Таким образом, автор обращает внимание на ряд сущностных признаков культурного пространства: оно существует вне субъекта и оказывает на него прямое воздействие, оно имеет некую форму, заполненную вещами и артефактами, т. е. имеет параметры места, в которое они помещены и в котором находится сам субъект, и субъект сам может влиять на культурное пространство своей деятельностью, меняя тем самым его параметры.

С точки зрения И. Свириды, пространство культуры представляет собой результат человеческой деятельности, главной характеристикой которого выступает постоянное расширение. При этом, по мнению Свириды, именно соединение пространственно-временных параметров с семантикой, культура осмысливает окружающий мир. «“Ра-

бота” пространственных признаков обеспечивает функционирование смыслообразующих механизмов культуры, посредством их формируются парадигмы культурных эпох, доминант, характеристики отдельных явлений, образный мир культуры» [12, с. 16].

В связи с этим исследователь предлагает рассматривать культурное пространство в двух ракурсах: как пространство концептуальное, выражаемое в текстах культуры, и как пространство бытования культуры, в котором происходят процессы осмысления и развития культурных явлений. «В одном случае — это пространство помысленное и притворенное в образе, так или иначе материализуемым — вербально или вещно, как, например, в архитектуре и прикладном искусстве. Это пространство свидетельствует о том, как культура “работает” с категорией пространства, которая выступает смыслообразующей доминантой. Другая же ипостась пространства предстает как та среда, в которой, координируясь, существуют и развиваются культурные явления» [12, с. 19].

При этом концептуальная сторона культурного пространства напрямую связана с субъектом и является результатом его деятельности. Приобретая черты субъекта, оно каждый раз меняет свои параметры, подстраиваясь под каждого из нас, и выражается это в том числе и в ситуации обозначения и осознания себя в силу того, что каждый из нас находится где-то и это его положение имеет определенное наполнение и значение. В результате пространство, даже если оно обозначено как пустое, уже имеет значение, оно уже семиотично, ему присвоено значение пустоты. Концептуальное пространство связано с динамичными процессами, так как оно рождается всякий раз, как субъект проявляет свое творческое начало.

Сторона бытования культурного пространства характеризуется общностью представлений и границами, фиксирующими ареал распространения, например, национального языка или его диалектов, что позволяет говорить о культурном пространстве определенного народа или общности. Данная часть культурного пространства обеспечивает его статику, устойчивое ядро, составляющее сущность определенной культуры.

Сочетание в культурном пространстве динамических и статических явлений И. М. Гуткина предлагает различать в соответствии с понятиями «культурное пространство» и «пространство культуры». Культурное пространство с его ценностными, временными, ментальными характеристиками подвержено постоянным изменениям, в силу чего культуры могут взаимодействовать друг с другом и меняться под влиянием друг друга. А пространство культуры образует устойчивое ядро определенной культуры, включающее незыблемые ценности, универсалии, не зависящие от временных параметров. Пространство культуры не может вступать во взаимодействия с другими культурами, сохраняя не только целостность самой этой культуры, но и позволяя каждому субъекту осознавать себя и свою принадлежность определенной культуре.

Границы культурного пространства имеют вертикальное и горизонтальное направления. В первом случае можно говорить об изменениях, затрагивающих внутренние параметры культуры, во втором — речь идет о расширении культурных границ и выходе за их пределы, в точки соприкосновения с другими культурами.

В итоге в структуре культурного пространства можно выделить несколько слоев: слой представлений, смыслов и ценностей, находящий свое выражение в семиотических моделях, в картине мира; слой коммуникации или социальных контактов, воплощающийся в системах социальных ролей, поведенческих установок; и слой деятельности, который выражается в искусственно создаваемой среде, которая в полной мере соотносится с первыми двумя.

Культурное пространство — это надприродное образование, возникающее на определенной территории и существующее благодаря коммуникации между членами одного коллектива; свободной деятельности субъектов, связанной с осмыслением и приданием ценности своему окружению; т. е. способ жизнедеятельности общества, выраженный в текстах культуры, как вербальных, так и материальных.

Согласно М. С. Кагану, культура функционирует как тройная спираль, каждый виток которой имеет свое содержание. Первый связан с человеком, как субъектом и его деятельностью. Второй — с общением с точки зрения синхронии (пространство) и диахронии (время), в результате которого возникают взаимоотношения между отдельными субъектами и обмен деятельностью. В итоге складываются нормы и стереотипы поведения, а также происходит возникновение квазиреальности и квазиобщения, составляющих основу творческой деятельности субъектов. Третий — это творческая деятельность, связанная с искусством, создающим новую реальность в реальности. Подобная спираль отражает моменты превращения природного пространства в культурное посредством этих витков, а их ярким выражением и способом воплощения являются, по мнению Кагана, градостроительство и архитектура. «Уровень развития строительной техники обуславливает только возможность выражения тех или иных пространственных представлений, сами же эти представления рождаются в общественном сознании, имеют социально-психологическую природу и вытекают из меняющегося практического опыта людей» [7, с. 36]. Получается, архитектура следует психике, законам восприятия и закреплению в общественном сознании определенного отношения к миру.

Архитектуру можно рассматривать как результат воплощения универсальной модели мира, которая отражается и переносится на различные постройки. Таким образом, «архитектура состоит не только из архитектуры: узкоархитектурные конструкции находятся в соответствии с семиотикой внеархитектурного ряда — ритуальной, бытовой, религиозной, мифологической, — всей суммой культурного символизма» [8, с. 679].

Архитектура как род деятельности и форма воплощения культурного пространства соединяет в себе не только семиотический момент осмысления мира, реального воплощения в виде сооружения, но и момент его переживания, который фиксируется в культурной памяти в виде определенного универсального символа. Следствием является соединение в архитектуре, с одной стороны, истории, как принадлежности определенной эпохе, определенному времени, народу, культуре, с другой стороны, мечты, идеи о некоем идеальном мире, к которому устремлено данное сообщество.

Как любая культура выстраивает свое пространство вокруг определенного центрального ядра, так и архитектура начинается с момента фиксации в сознании представления о сооружении (доме), как центре мироздания, точки отсчета всего в этом мире с точки зрения конкретного субъекта или субъектов в нем проживающих.

Центр мира всегда в любой культуре фиксирует связь между различными мирами: верхним, средним и нижним, а архитектура, по мнению Г. Ревзина, «всегда служит медиатором» [11, с. 21] между ними. Как один из примеров связи между мирами возникает арка, которая воплощает собой вход в иной мир. Человек, проходящий сквозь арку, может преобразиться, очиститься и т. п.

Архитектура, в отличие от других видов искусства, имеет дело с чистым пространством, внутри которого она помещается, заключая в себе не только форму, но и содержание, вложенное в нее субъектом или коллективом, относительно ориентации в пространстве, его конфигурации и ценностного насыщения. Получается, что архитек-

тура создает вокруг себя семиотическую, знаковую реальность. Помимо этого, архитектура всегда принадлежит культуре, культурному пространству, его «неосознаваемая пространственная интуиция является несущей конструкцией разделения мира на “физику” и “метафизику” (в том числе на мир и семиосферу) — это интуиция “мира этого” и “мира иного”» [11, с. 64]. Отметкой границы между двумя мирами служат различные обелиски и надгробия.

Помимо глобальной формы выражения представлений о структуре мироздания архитектура отражает и особенности социальной структуры общества, видов деятельности, социальных отношений и ценностных ориентаций. Согласно К. А. Иванову, «представляя собой широкую область идеологии и искусства, архитектура активно участвует в формировании сознания и вкусов людей. Она повседневно воздействует на каждого человека в его труде, в быту и культурной жизни, протекающей в производственных, жилых и общественных зданиях, в их комплексах, образующих населенные пункты и города» [3, с. 13]. Благодаря архитектуре каждый субъект, социальная группа и общество в процессе коммуникативных актов, имеющих пространственно-временной континуум оказываются включены в нормативно-регулятивные правила социального поведения, соответствующие не только ситуации взаимодействия, но и месту. Организующая и ориентирующая роль оформленного пространства приводит к тому, что каждый коммуникативный акт есть момент самоопределения и самоидентификации, помогающий понять не только «кто я есть», но и «где я есть». Композиционное построение архитектурного сооружения помогает, а иногда и приказывает занимать определенные социальные статусы и играть определенные социальные роли. Отвечая запросам общества, архитектура несет в себе функциональное предназначение, связанное с происходящими внутри типами коммуникативных практик и процессов деятельности. Примером являются здания школ, больниц, тюрем, государственных учреждений, которые, согласно концепции М. Фуко, выполняют функции управления обществом и его дисциплинирования. Такого типа сооружения имеют, как правило, «коридорную систему» — с выходящими в коридор дверями. Вытянутый прямоугольник диктует нам перемещение вдоль коридора, что позволяет контролировать не только пространство, но и поведение индивидов, так как открытое, уходящее вдаль пространство просматривается и охватывается одним взглядом, одновременно.

Факт того, что архитектура охватывает жизнь не одного поколения, она несет в себе не только ценностные доминанты в синхронном срезе времени и выполняет утилитарные функции, но и ценности и пространственные представления в диахронном срезе, формируя и воздействуя на сознание последующих поколений своими формами и содержанием.

Так социальная иерархия в архитектуре всегда находила выражение в высоте и пышности, монументальности сооружений, к их числу можно отнести дворцы, здания административного назначения, управления. Сам факт высоты вселял чувство благоговения и подчинения, с одной стороны, веры в стабильность власти — с другой. Сегодня такую же ситуацию можно видеть в зданиях банков и корпораций, чьи сооружения отличаются большими и высокими размерами. К этому можно еще добавить и месторасположение подобного рода сооружений — центр города, который наделяется смыслами значимости в жизни горожан и общества в целом. Понятие высоты традиционно связано с закрепленным в языке выражением «смотреть вверх — смотреть горе», т. е. это то, что принадлежит чему-то высокому, горному, находится над землей, над линией горизонта. В качестве примера можно привести традиционные габариты

дворцов, которые в силу заключения в себе домашнего и общественного пространства, одновременно предназначавшегося и для интимной семейной жизни, и для представительской общественной, рассчитанной на приемы большого количества людей, соединяло в себе две шкалы габаритов. Одна была рассчитана на человека и соизмерялась с ним: это мебель, декор, посуда, книги, витринные шкафы. Другая — демонстрировала власть и подчиняла себе любого, кто попадал внутрь дворца на официальные приемы. На такое восприятие были рассчитаны «широкие марши парадных лестниц, колоннады и пилястры с карнизами полного ордера, переходные порталы между залами и крупно-размерная роспись потолков» [4, с. 448]. В дальнейшем такого масштаба сооружения стали использоваться для зданий общественного назначения, таких, как банки, биржи, магазины, вокзалы, казино. Массивные сооружения нередко связаны в памяти культуры с определенными историческими событиями, а потому насыщены чувственными образами, присущими разным классам, сословиям и народам. Благодаря им, формируется особое, чувственное отношение общества к месту своего проживания, «эти сооружения включаются в их сознание как образы-напоминания, часто становясь примерами для подражания, то есть своего рода канонами» [5, с. 168].

Примером иерархической организации пространства с помощью высотности архитектурных сооружений можно считать политику в области строительства в советской России. Сталинская эпоха предлагала разные уровни высоты зданий в зависимости от их расположения и места проживания. Первый уровень составляли высотные здания Москвы, предназначенные для людей, занимавших высокие посты в государстве и партии, следующий уровень предполагал возведение четырех-пятиэтажных зданий вдоль магистралей и в промышленных центрах, в них проживали советские городские рабочие и служащие, низшая ступень предназначалась для сельских жителей и имела высоту один-два этажа.

Противопоставление верха и низа в архитектуре напрямую связано с ценностными доминантами, зафиксированными в картине мира: «...восхождение трактуется как героический акт высвобождения, и именно высота безотчетно отождествляется с высокой ценностью <...>. Напротив, закапывание в землю означает вхождение в контакт с материей — уход с “нулевой поверхности”, где материальное всеобщее <...>. Копать — значит вторгаться в самый фундамент, на котором покоится мир жизни, из которого он произрастает» [1, с. 26].

Наиболее ярким воплощением ценностных доминант верха и низа являются храмы, в частности средневековые. Купол средневекового собора соединял его с небом, с миром горним, с Богом, мир земной располагался на уровне нефов, центром этого мира являлся алтарь с изображением распятого Христа, эта точка символизировала центр мира, место казни Христа, места, где был похоронен первый человек, места, соединяющего рай и ад, в храме под полом в романских церквях находилась крипта с мощами святых. В данном случае подпольное пространство соединяется с представлением о первоматерии, в которую уходит после смерти каждый христианин и из которой он воскреснет в день Страшного суда. Тройственное деление пространства с помощью архитектуры легко проследить в структуре современных городов. Центр города, как правило, образуется благодаря расположению наиболее важных сооружений, организующих городскую жизнь: это не только административный центр, но и культурно-историческая и ценностная доминанта. Здесь могут находиться собор, архитектурные ансамбли, они являются местами наиболее посещаемыми и коммуникативно насыщенными, чем периферия и окраины городов. С точки зрения вертикального членения, го-

род имеет свою подземную зону — метро, сеть инженерных коммуникаций, повседневная жизнь протекает на уровне среднего пространства, организуемого благодаря домам, улицам и другим сооружениям, и третья, верхняя, зона образуется с помощью высотных зданий небоскребов.

Понимание культурного пространства как границы, отделяющей одну культуру от другой, в архитектуре реализуется в противопоставлении внешнего и внутреннего пространств, замкнутого и открытого, а в сознании закрепляется в оппозиции «свой» — «чужой». Такое противопоставление нашло выражение в принятых нормах поведения: дома и за его пределами. Местами и архитектурными формами, соединяющими внутреннее и внешнее пространства, служили лоджии, портики, лестницы, гульбища, внутренние дворы, крыльцо. Такого рода переходные пространства служат средством социализации, они позволяют вступать в коммуникации, характеризующиеся большей свободой, чем в открытом, внешнем пространстве, но менее свободными, чем в закрытом, своем, домашнем пространстве. Определенные социальные функции в системе переходных пространств принадлежат крыльцу. «Во-первых, это превосходное фильтрующее, опосредующее пространство, обозначающее переход от публичной жизни улицы к частной жизни здания. Короткий подъем создает чувство, что ты пребываешь над местом, поддерживаемое двумя ритуализированными пространствами: вестибюлем, “домом” для почтовых ящиков и дверных звонков, и входной дверью, местом особых приветственных движений, поиска ключей...» [13, с. 94]. Во-вторых, крыльцо предназначено не только для встреч и общения, но и выполняет функцию наблюдательного пункта, сохраняя при этом чувство безопасности от нахождения в знакомом, своем пространстве. Проблемы идентификации пространства как своего в культуре и архитектуре происходит на разных уровнях: от своего места в доме, во дворе, на улице, в районе, в городе, в стране, в зависимости от предмета, выступающего в роли точки отсчета. И именно архитектура, как символ устойчивости, позволяет каждому субъекту самоидентифицироваться раз за разом без угрозы потери ориентиров в пространстве.

Факт территориальности культурного пространства связан с разметкой и распределением «в» и «на» территории различных мест и людей по определенным правилам и в соответствии с их символическим наполнением. Так, до появления личных комнат, предназначенных для каждого члена семьи, можно в целом говорить о господстве публичного пространства над частным. Как только в домах начали выделять отдельные комнаты, можно говорить об окончательном признании индивидуальности каждого субъекта и о его праве на личную жизнь и свободу в пределах, по крайней мере, ему принадлежащего пространства. Первое осмысление территории как принадлежности группы или личности проходит практически по тем же законам, что и в мире природы. Только в виде меток выступают не запахи, а различные предметы, знаки или ограда. При этом ограда, забор выполняют двойную функцию — защиты и отделения от остального мира, территории. Первым примером отделения может быть и хижина, вертикальное строение, выполненное руками человека, — это и есть момент отделения от мира природы и рождения архитектуры.

Но роль и символизация ограды определяются ценностными и идеологическими установками тех, кто их возводит и использует. К примеру, христианские монастыри имеют ограждение, читающееся буквально. Это территории, куда не допускают мирян, они представляют собой места, полностью закрытые от мира и потому наделенные высоким священным статусом. Совсем другое значение имеет ограда в буддийских монастырях. «Строения, рассеянные по двору и саду: есть ограда, но <...> не для защиты

или запрета <...> проволочная изгородь; всегда открытые двустворчатые ворота; и тут же — открытая местность <...>, просторный проход без дверного проема» [2, с. 125]. С одной стороны, община определяет себя в пространстве, но при этом она не замкнута, а открыта миру и другим людям.

Связь процессов деятельности с архитектурой выражается в типах зданий, либо в организации внутреннего пространства дома. Если, начиная с древности и вплоть до конца XIX в., место работы и место проживания практически совпадали, торговая лавка и мастерская были частью жилого дома, то в Новое время трудовому времени стали отводить особые пространства, носившие публичный характер. Такое деление привело к изменениям трудовых отношений, которые стали носить договорной характер, а частная жизнь отделяется от общественной, в связи с чем появляется новая ценность — ценность свободного времени или досуга. Благодаря этим процессам, появляется промышленная архитектура, предназначенная для организации производства в больших масштабах. В итоге пространство завода или фабрики также становится пространством дисциплины, строго регулирующей не только рабочее время, но и поведение рабочего и его перемещения внутри помещения. «Производственное пространство специализируется, все машины и станки расставляются в строго установленном порядке, у каждого рабочего есть свое место; проходы и склады отделяются от места собственно производства. Ведется контроль и учет времени и доступа на определенные участки производства; получают распространение часы с компостером; ведется хронометраж» [6, с. 31].

В итоге, можно сказать, что связь между культурным пространством и архитектурой находит свое выражением в осмыслении и фиксации представлений о мире, его структуре, положении человека в мире, ценностных доминантах, социальной иерархии и типах поведения в обществе. Культурное пространство реализует названные элементы в архитектуре через структуру сооружений, место их расположения, размеры и другие. При этом архитектура благодаря своей исторически более длительной истории существования может вбирать в себя семантические представления разных эпох и находится в ситуации культурной коммуникации с представителями разных поколений, выполняя функцию социализации, и даже воспитания, диктуя своими формами и размерами предписанные обществом правила поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Арнхейм Р.* Динамика архитектурных форм. М.: Стройиздат, 1984. 192 с.
- 2 *Барт Р.* Как жить вместе: романтические симуляции некоторых пространств повседневности. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 272 с.
- 3 Вопросы теории архитектуры: материалы совещаний. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1960. Сб. 5. 168 с.
- 4 *Глазычев В. Л.* Архитектура. Энциклопедия. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», Астрель, АСТ, 2002. 672 с.
- 5 *Забельшанский Г. Б., Минервин А. Г., Раппопорт А. Г., Сомов Г. Ю.* Архитектура и эмоциональный мир человека. М.: Стройиздат, 1985. 207 с.
- 6 История частной жизни: в 5 т. / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 5: От I Мировой войны до конца XX века. 688 с.
- 7 *Каган М. С.* Избранные труды: в VII т. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. Т. III: Труды по проблемам теории культуры. 756 с.

- 8 *Лотман М. Ю.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- 9 *Лукин А. Н.* Хронотоп культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 4 (20). С. 38–45.
- 10 *Политковская К. В.* Культурное пространство в современной науке // Вестник СПбГУКИ. 2018. № 1 (34). С. 25–29.
- 11 *Ревзин Г.* Очерки по философии архитектурной формы. М.: ОГИ, 2002. 138 с.
- 12 *Свирида И. И.* Пространство и культура: аспекты изучения // Славяноведение. 2003. № 4. С. 14–24.
- 13 *Соркин М.* 20 минут на Манхэттене. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 320 с.
- 14 *Тихомирова Е. Е., Абенова Г. Э., Линь Хай.* Языковые реализации культурной универсалии «путь» в русском и китайском языках // Вестник НГПУ. 2012. № 6 (10). С. 51–62.
- 15 *Трипузов М. Г.* Культурное пространство как объект культурологического исследования // Вестник ИГЛУ. 2012. №1 (17). С. 63–68.
- 16 *Флиер А. Я.* Культура как пространство и время социального бытия // Культура культуры. 2016. № 3 (11). URL: <http://cult-cult.ru/culture-as-space-and-time-of-social-being/> (дата обращения: 18.10.2019).
- 17 *Флоренский П.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. 447 с.

© 2020. **Tatiana V. Chaplya**
Novosibirsk, Russia

ARCHITECTURE IN TERMS OF CULTURAL SPACE

Abstract: The need to establish links between cultural space and architecture, as a way of its existence throughout the history of mankind determines the relevance of the study. The purpose of the paper is to analyze interaction and connection between cultural space and architecture in history, as well as to identify forms and methods of this connection from origin to modern times. The author presents the analysis of cultural space in modern cultural science, identifies basic structural components of cultural space: representations, meanings and values expressed in semiotic models and in the picture of the world; social relations and communications embodied in the system of social roles and attitudes; and activities that permeate all of the elements above, linking them together. Architecture is perceived as one of the ways of cultural space existence, which includes not only a model of the world, vertical and horizontal orientation in space, but also a way to express value attitudes through fixing value dominants in certain parts of a building or spaces. The study is to show that architecture acts as a way of self-identification of culture, society, social groups, individual subjects by defining their place in geographical space, the existence of external and internal spaces as a semiotic expression of “friend/foe” position. The author examines the role of different types of architectural structures, allowing fixing social hierarchy and political power in the cultural space of different eras. As a result, a connection between cultural space and architecture is established, act as the ways of forming and functioning in society throughout the history of human development.

Keywords: culture, cultural space, architecture, space, picture of the world.

Information about the author: Tatina V. Chaplya — DSc in Culturology, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Vilyiskaya St., 28, 630126 Novosibirsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>. E-mail: Chap_70@mail.ru

Received: October 23, 2019

Date of publication: December 28, 2020

For citation: Chaplya T. V. Architecture in terms of cultural space. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 8–20. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-8-20>

REFERENCES

- 1 Arnkheim R. *Dinamika arkhitekturnykh form* [Dynamics of architectural forms]. Moscow, Stroizdat Publ., 1984. 192 p. (In Russian)
- 2 Bart R. *Kak zhit' vmeste: romanticheskie simuliatsii nekotorykh prostranstv povsednevnosti* [How to live together: romantic simulations of certain everyday spaces]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016. 272 p. (In Russian)
- 3 *Voprosy teorii arkhitektury: materialy soveshchaniy* [Issues of architecture theory: proceedings of meetings]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture Publ., 1960. Collection 5. 168 p. (In Russian)
- 4 Glazychev V. L. *Arkhitektura. Entsiklopediia* [Architecture. Encyclopedia] Moscow, IPTs "Dizain. Informatsiia. Kartografiia" Publ., Astrel' Publ., AST Publ., 2002. 672 p. (In Russian)
- 5 Zabel'shanskii G. B., Minervin A. G., Rappoport A. G., Somov G. Iu. *Arkhitektura i emotsional'nyi mir cheloveka* [Architecture and the emotional world of man]. Moscow, Stroizdat Publ., 1985. 207 p. (In Russian)
- 6 *Istoriia chastnoi zhizni: v 5 t.* [History of private life: in 5 vols.], under the General editorship of F. Ar'es, Zh. Diubi. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. Vol. 5: Ot I Mirovoi voiny do kontsa XX veka [From World War I to the end of the 20th century]. 688 p. (In Russian)
- 7 Kagan M. S. *Izbrannye trudy: v VII t.* [Selected works: in VII vols.]. St. Petersburg, ID "Petropolis" Publ., 2007. Vol. III: Trudy po problemam teorii kul'tury [Works on the issues of the theory of culture]. 756 p. (In Russian)
- 8 Lotman M. Iu. *Semiosfera* [Universe of the mind]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000. 704 p. (In Russian)
- 9 Lukin A. N. Khronotop kul'tury [The chronotope of culture]. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, 2009, no 4 (20), pp. 38–45. (In Russian)
- 10 Politkovskaia K. V. Kul'turnoe prostranstvo v sovremennoi nauke [Cultural space in contemporary science]. *Vestnik SPbGUKI*, 2018, no 1 (34), pp. 25–29. (In Russian)
- 11 Revzin G. *Ocherki po filosofii arkhitekturnoi formy* [Essays on the philosophy of architectural form]. Moscow, OGI Publ., 2002. 138 p. (In Russian)
- 12 Svirida I. I. Prostranstvo i kul'tura: aspekty izucheniia [Space and culture: aspects of study]. *Slavianovedenie*, 2003, no 4, pp. 14–24. (In Russian)
- 13 Sorkin M. *20 minut na Mankhettene* [20 minutes in Manhattan]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015. 320 p. (In Russian)
- 14 Tikhomirova E. E., Abenova G. E., Lin' Khai. Iazykovye realizatsii kul'turnoi universalii "put'" v russkom i kitaiskom iazykakh [Language implementations of the

- cultural universal “path” in Russian and Chinese]. *Vestnik NGPU*, 2012, no 6 (10), pp. 51–62. (In Russian)
- 15 Tripuzov M. G. Kul'turnoe prostranstvo kak ob"ekt kul'turologicheskogo issledovaniia [Cultural space as an object of cultural studies]. *Vestnik IGLU*, 2012, no 1(17), pp. 63–68. (In Russian)
- 16 Flier A. Ia. Kul'tura kak prostranstvo i vremia sotsial'nogo bytiia [Culture as space and time of social existence]. *Kul'tura kul'tury*, 2016, no 3 (11). Available at: <http://cult-cult.ru/culture-as-space-and-time-of-social-being/> (accessed 18 October 2019).
- 17 Florenskii P. *Stat'i i issledovaniia po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [Articles and research on the history and philosophy of art and archaeology]. Moscow, Mysl' Publ., 2000. 447 p. (In Russian)